

Дневник его любимой

Михаил Булгаков, как и многие другие писатели, вел дневник. И заглавие у него было красноречивое — «Под пятой». В дневнике Булгаков не скрывал своего крайне негативного отношения к большевикам и к советской власти в целом. В 1926 году писатель перестал вести дневник по объективным причинам: 7 мая во время обыска в квартире Булгакова (Обухов пер., 9) вместе с рукописью и машинописью повести «Собачье сердце» были изъяты дневниковые записи. С тех пор Михаил Афанасьевич дневника не вел, опасаясь, что его снова могут изъять. Но в начале 30-х годов предложил вести записи своей третьей жене, Елене Сергеевне Булгаковой. Она и стала летописцем его жизни и творчества. Только во второй половине 1929 года, после неоднократных ходатайств, изъятые у Булгакова дневники были возвращены владельцу, но писатель уничтожил записи. Однако «рукописи не горят». В архивах Лубянки сохранились машинописная и фотографическая копии булгаковских дневников, ставшие доступными исследователям в начале 1990-х годов.

Елена Сергеевна Булгакова (урожденная Нюрнберг (Нюренберг), по первому мужу — Неелова, во втором браке — Шиловская) (1893–1970) родилась 21 октября (2 ноября) 1893 года в Риге. Свой день рождения Елена Сергеевна всегда отмечала 21 октября, несмотря на замену юлианского календаря григорианским. Род Нюренбергов (первоначально в русской огласовке — Ниренбергов) берет свое начало от еврея-ювелира

Нюренберга, который в числе немецких переселенцев, приглашенных Екатериной II, прибыл в Житомир в 1768 году. Отец Елены Сергеевны Сергей Маркович (Шмульт-Янкель) Нюренберг (1871–1933) был сыном Мордко Лейба Нюренберга, мелкого торговца из Бердичева. В середине 1880-х годов Шмульт-Янкель перешел из иудейства в лютеранство, а в 1889 году, накануне брака с матерью Елены Сергеевны, Александрой Александровной Горской, дочерью русского православного священника, принял православие. В 1892 году он окончил гимназию в Дерпте (другое название — Юрьев, ныне — Тарту в Эстонии) и вскоре перебрался в Ригу. Там он работал сначала учителем, а потом податным инспектором и активно сотрудничал с местными газетами.

В 1911 году Елена Сергеевна окончила гимназию в Риге и через несколько лет вместе с родителями переехала в Москву (после Октябрьской революции родители вернулись в Ригу). Как отмечала Елена Сергеевна в своей автобиографии, «...я научилась печатать на машинке и стала помогать отцу в его домашней канцелярии, стала печатать его труды по налоговым вопросам». В декабре 1918 года она обвенчалась в Москве с Юрием Мамонтовичем Нееловым (1894–1935), служившим в центральном аппарате Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА). В июне 1920 года Неелов был откомандирован в 16-ю армию Западного фронта и стал адъютантом командующего Н.В. Сологуба.

10 октября 1919 года членом Реввоенсовета и исполняющим обязанности начальника штаба 16-й армии стал бывший капитан императорской армии и потомственный дворянин Евгений Александрович Шиловский (1889–1952), ранее служивший в этой армии начальником оперативного управления и помощником начальника штаба. Он был знаком с Нееловым еще по Москве. Евгению Александровичу удалось добиться любви Елены Сергеевны. В сентябре 1920 года Неелов, очевидно, по настоянию Шиловского, был направлен в штаб Западного фронта, а в декабре откомандирован на Южный фронт, тогда как Елена Сергеевна осталась с Евгением Александровичем в Минске.

Осенью 1921 года Шиловский и Неелова поженились в Москве. Елена Сергеевна вспоминала: «Это было в 1921 году в июне (или июле). Мы с Евгением Александро-

вичем пришли к патриарху, чтобы просить разрешения на брак. Дело в том, что я с Юрием Мамонтовичем Нееловым (сыном Мамонта Дальского), моим первым мужем, была повенчана, но не разведена. Мы только в загсе оформили развод. Ну, и надо было поэтому достать разрешение на второй церковный брак у патриарха.

Мы сидели в приемной патриаршего дома... Вдруг дверь на дальней стене открылась, и вышел патриарх в чем-то темном, черном или синем, с белым клобуком на голове, седой, красивый, большой. Правой рукой он обнимал Горького за талию, и они шли через комнату. На Горьком был серый летний, очень свободный костюм. Казалось, что Горький очень похудел, и потому костюм висит на нем. Голова была голая, как колено, и на голове тубетейка. Было слышно, как патриарх говорил что-то вроде: “Ну, счастливой дороги...”

Потом он, проведив Горького до двери, подошел к нам и пригласил к себе. Сказал:

— Вот, пришел проститься, уезжает.

Потом, когда Евгений Александрович высказал свою просьбу, — улыбнулся и рассказал какой-то остроумный анекдот не то о двоеженстве, не то о двоемужестве, — не помню, к сожалению. И дал, конечно, разрешение».

А.М. Горький покинул Россию 16 октября 1921 года, поэтому визит Шиловского и Елены Сергеевны к патриарху состоялся, скорее всего, в сентябре или в начале октября, а не в июне. К тому времени Евгений Александрович был назначен преподавателем оперативного искусства в Военной академии РККА.

Шиловский сделал довольно успешную карьеру в Красной армии. На первом этапе она была связана с тем, что ему покровительствовал видный советский военный деятель, член партии большевиков с 1901 г. Николай Ильич Подвойский (1880–1948), первый народный комиссар РСФСР по военным делам. С сентября 1918-го по февраль 1919 года Шиловский работал в Высшей военной инспекции РСФСР, а затем — в аппарате Наркомвоенмора Украины. Подвойский же в это время был председателем Высшей военной инспекции РСФСР, а потом наркомвоенмором Украины. В августе 1919 года Евгений Александрович вместе с Подвойским вернулся в Москву и, в ожидании нового назначения, съездил

к родным в имение в Лебединский уезд Тамбовской губернии, где как раз в то время гулял по советским тылам 4-й Донской конный корпус генерала Мамонтова. Вскоре после возвращения в Москву Шиловский 20 сентября 1919 года был арестован чекистской засадой, когда навестил своих знакомых В.А. и К.А. Миллер, которых знал по Петрограду. Дело в том, что 19 сентября большинство членов Добровольческой армии Московского района (в том числе несколько генералов, служивших в Главном штабе Красной армии), готовивших восстание, было арестовано и впоследствии расстреляно органами ВЧК.

Полковник царской армии Василий Александрович Миллер был создателем 1-й Московской советской школы полковой артиллерии и боевых технических приспособлений, а потом — начальником Окружной артиллерийской школы и активным участником Штаба, за что и был расстрелян. В своих показаниях Миллер не подтвердил принадлежность Шиловского к Штабу Добровольческой армии Московского района, сообщив 21 сентября, что «Шиловский Евгений Александрович служит в Высшей военной инспекции, знаю по службе». А 30 сентября добавил: «Шиловскому я предлагал содействовать (организации), но он наотрез отказался. Позднее, по возвращении из Украины, он ко мне заходил, но не застал. Мое предложение касалось дачи сведений военного характера. Шиловский служил тогда в Высшей военной инспекции». Также Подвойский подтвердил благонадежность Шиловского. В то время Деникин подходил к Москве, и чекисты, очевидно, заподозрили Евгения Александровича в намерении присоединиться к заговорщикам, чтобы в последний момент оказаться на стороне победителей. Хотя 30 сентября Шиловского освободили, вместо ожидавшегося назначения в штаб 17-й армии, сражавшейся против Юденича, членом Реввоенсовета которой стал Подвойский, Евгения Александровича отправили в 16-ю армию, воевавшую с поляками. Видно, полагали, что он скорее может перебежать к Юденичу, чем к полякам.

В 1921 году у Шиловских родился сын Евгений (1921–1957), а в 1926 году — Сергей (1926–1975). В 1922–1928 гг. Шиловский был начальником учебного отдела и помощником начальника Военной академии имени Фрунзе,

в 1928–1931 гг. — начальником штаба Московского военного округа, а с 1931 г. — начальником штаба Военно-воздушной академии имени Н.Е. Жуковского. В 1937 году, счастливо избежав репрессий, Шиловский был переведен на ту же должность в Академию Генштаба. В 1939 году его удостоили звания профессора, а в 1940-м — генерал-лейтенанта. Успехи в военной службе не смогли сохранить любовь Елены Сергеевны к Евгению Александровичу. Она угасла, после того как Шиловская встретила Булгакова. О встрече, состоявшейся 28 февраля 1929 года на квартире художников Моисеенко (Большой Гнездниковский переулок, 10), она вспоминала: «Я была просто женой генерал-лейтенанта Шиловского, прекрасного, благороднейшего человека. Это была, что называется, счастливая семья: муж, занимающий высокое положение, двое прекрасных сыновей. Вообще все было хорошо. Но когда я встретила Булгакова случайно в одном доме, я поняла, что это моя судьба, несмотря на все, несмотря на безумно трудную трагедию разрыва. Я пошла на все это, потому что без Булгакова для меня не было ни смысла жизни, ни оправдания ее... Это было в 29-м году в феврале, на масленую. Какие-то знакомые устроили блины. Ни я не хотела идти туда, ни Булгаков, который почему-то решил, что в этот дом он не будет ходить. Но получилось так, что эти люди сумели заинтересовать составом приглашенных и его, и меня. Ну, меня, конечно, привлекла его фамилия. В общем, мы встретились и были рядом. Это была быстрая, необычайно быстрая, во всяком случае, с моей стороны, любовь на всю жизнь.

Потом наступили гораздо более трудные времена, когда мне было очень трудно уйти из дома именно из-за того, что муж был очень хорошим человеком, из-за того, что у нас была такая дружная семья. В первый раз я смалодушествовала и осталась, и я не видела Булгакова двадцать месяцев, давши слово, что не приму ни одного письма, не подойду ни разу к телефону, не выйду одна на улицу. Но, очевидно, все-таки это была судьба. Потому что когда я первый раз вышла на улицу, то встретила его, и первой фразой, которую он сказал, было: “Я не могу без тебя жить”. И я ответила: “И я тоже”. И мы решили соединиться, несмотря ни на что. Но тогда же он мне сказал то, что я, не знаю почему, приняла со смехом.

Он мне сказал: “Дай мне слово, что умирать я буду у тебя на руках”... И я, смеясь, сказала: “Конечно, конечно, ты будешь умирать у меня на...” Он сказал: “Я говорю очень серьезно, поклянись”. И в результате я поклялась».

Племянник второй жены Булгакова, Любови Евгеньевны Белозерской (1895–1987), Игорь Владимирович Белозерский (Широгоров, 1915–1997) в беседе со Светланой Петровной Князевой (1937–2010), заведующей редакцией издательства «Художественная литература», готовившей к печати рукопись Л.Е. Белозерской, со слов Любови Евгеньевны, так изложил обстоятельства знакомства Булгакова с Еленой Сергеевной: «А вы знаете, как Михаил Афанасьевич познакомился с нею? Некто по имени Петя решил от нее избавиться как от любовницы и предложил ее Булгакову, который был большим котом и мог подойти прямо на улице к женщине и пригласить в ресторан, сказав, что у него много денег. Вдова этого Пети (не буду называть его фамилию) рассказала Любови Евгеньевне, что перед смертью тот просил прощения у Любови Евгеньевны за то, что таким образом разрушил семью... Любовь Евгеньевна тоже не была святой. Романов у нее было много. Но рана, нанесенная булгаковским уходом, никогда не затягивалась».

Упомянутый Петя, возможно, как-то был связан с МХАТом. В своем дневнике Елена Сергеевна называет Петей только художника МХАТа Петра Владимировича Вильямса (1902–1947), увенчанного тремя Сталинскими премиями.

В сентябре 1929 года Булгаков посвятил Елене Сергеевне повесть «Тайному другу». В 1931 году об их связи узнал Е.А. Шиловский. После бурного объяснения с ним Булгаков сделал следующую надпись на парижском издании романа «Белая гвардия»: «Справка. Крепостное право было уничтожено в... году. Москва, 5. II. 31 г.», а полтора года спустя приписал: «Несчастье случилось 25. II. 31 года». Первая дата — день объяснения Булгакова с Шиловским, вторая дата — время последней, как они тогда думали, встречи. О разговоре Шиловского с Булгаковым вспоминает Марика Артемьевна Чимишкиан, в то время — супруга драматурга Сергея Александровича Ермолинского (1900–1984): «Тут такое было! Шиловский прибежал (на Б. Пироговскую, где жили Булгаков и его вторая жена Л.Е. Белозер-

ская. — Б. С.), грозил пистолетом...» По утверждению Чимишкиан, «Люба (Л.Е. Белозерская. — Б. С.) тогда против их романа, по-моему, ничего не имела — у нее тоже были какие-то свои планы...» Шиловский заявил, что в случае развода детей не отдаст, и тем вынудил жену на время порвать с Булгаковым. Возобновление отношений Михаила Афанасьевича с Еленой Сергеевной относится к сентябрю 1932 г. На последнем листе парижского издания «Белой гвардии» Булгаков зафиксировал: «А решили пожениться в начале сентября 1932 года. 6. IX. 1932 г.» Сохранился отрывок булгаковского письма Шиловскому, датированный тем же числом: «Дорогой Евгений Александрович, я виделся с Еленой Сергеевной по ее вызову, и мы объяснились с нею. Мы любим друг друга так же, как любили раньше. И мы хотим пожениться». Е.А. Шиловский, в свою очередь, еще 3 сентября 1932 г. писал родителям бывшей жены в Ригу: «Дорогие Александра Александровна и Сергей Маркович! Когда вы получите это письмо, мы с Еленой Сергеевной уже не будем мужем и женой. Мне хочется, чтобы вы правильно поняли то, что произошло. Я ни в чем не обвиняю Елену Сергеевну и считаю, что она поступила правильно и честно. Наш брак, столь счастливый в прошлом, пришел к своему естественному концу. Мы исчерпали друг друга, каждый, давая другому то, на что он был способен, и в дальнейшем (даже если бы не разыгралась вся эта история) была бы монотонная совместная жизнь больше по привычке, чем по действительному взаимному влечению к ее продолжению. Раз у Люси родилось серьезное и глубокое чувство к другому человеку, — она поступила правильно, что не пожертвовала им.

Мы хорошо прожили целый ряд лет и были очень счастливы. Я бесконечно благодарен Люси за то огромное счастье и радость жизни, которые она мне дала в свое время. Я сохраняю самые лучшие и светлые чувства к ней и к нашему общему прошлому. Мы расстаемся друзьями».

3 октября 1932 года брак Елены Сергеевны с Шиловским был расторгнут, а уже 4 октября заключен брак с Булгаковым. Сохранилась шутливая записка Михаила Афанасьевича, переданная на заседании в МХАТе режиссеру Василию Григорьевичу Сахновскому (1886–1945): «Секретно. Срочно. В 3 ³/₄ дня я венчаюсь в Загсе. Отпустите меня через 10 минут».

После развода с Еленой Сергеевной Евгений Александрович вполне успешно продолжал службу. А в 1936 году женился на Марианне Толстой (1911–1988), дочери «красного графа» Алексея Николаевича Толстого (1882/83–1945). В браке родилась дочь Марина. В иерархии советских писателей Толстой после смерти Горького стоял на первом месте и пользовался покровительством Сталина. Вероятно, это обстоятельство уберегло Шиловского от репрессий.

Через год после воссоединения, в сентябре 1933 года, Елена Сергеевна по просьбе Михаила Афанасьевича начала вести дневник. Детей Шиловские поделили. Старший, Женя, остался с отцом, младший, Сережа, — с матерью, и Булгаков любил его как родного. Е.А. Шиловский помогал жене и сыну, но с Булгаковым более никогда не встречался. В письме родителям 11 сентября 1932 г. Елена Сергеевна утверждала: «...Полтора года разлуки мне доказали ясно, что только с ним жизнь моя получит смысл и окраску. Мих. Аф., который прочел это письмо, требует, чтобы я приписала непременно: ...тем более, что выяснилось, с совершенной непреложностью, что он меня совершенно безумно любит». 14 марта 1933 г. Булгаков передал Елене Сергеевне доверенность на заключение договоров с издательствами и театрами по поводу своих произведений, а также на получение авторских гонораров. Она печатала под диктовку все произведения писателя 30-х годов и послужила главным прототипом Маргариты в романе «Мастер и Маргарита». Не исключено, что первая встреча Мастера и Маргариты в переулке у Тверской воспроизводит первую встречу Булгакова с Еленой Сергеевной после почти двадцатимесячной разлуки.

Свой дневник Елена Сергеевна вела до конца жизни. В конце 1950-х — начале 1960-х годов, предполагая опубликовать ту часть дневника, которая была посвящена жизни с Булгаковым, она создала вторую редакцию дневника, где сделала ряд важных дополнений, включая запись по памяти знаменитого телефонного разговора Булгакова со Сталиным, но при этом также сделала ряд сокращений и изменений цензурного характера. При этом первые две тетради дневника сохранились только во второй редакции.

После смерти писателя Елена Сергеевна некоторое время была любовницей первого секретаря Союза советских пи-

сателей Александра Александровича Фадеева (1901–1956), с которым познакомилась во время последней болезни Булгакова. 13 октября 1941 года она записала в дневнике: «Дома — Марика, потом в 11 час. (вечера. — Б. С.), Саша (Фадеев. — Б. С.). Обед с ним в половине двенадцатого. Белое вино. Прощание. Фотокарточка...» К тому времени немецкие войска окружили и разгромили основные силы Западного и Резервного фронтов. Дорога на Москву была открыта. Благодаря своему высокому положению Фадеев раньше других узнал о трагических событиях на фронте и позаботился о заблаговременном, до начала всеобщей паники, отъезде любимой женщины из столицы и помог ей вывезти в Ташкент бесценный булгаковский архив. В ночь с 13-го на 14-е октября Елена Сергеевна покинула Москву.

Другим любовником Елены Сергеевны впоследствии стал поэт Владимир Александрович Луговской (1901–1957). В 1943 году в Ташкенте он познакомил ее со своим другом — поэтом, писателем и видным партийным функционером Константином (Кириллом) Михайловичем Симоновым (1915–1979), позднее ставшим председателем Комиссии по литературному наследству Булгакова и сыгравшим в 1966 году решающую роль при первой публикации романа «Мастер и Маргарита» в журнале «Москва». После смерти мужа Елена Сергеевна настойчиво трудилась над публикацией произведений Булгакова и неоднократно обращалась в самые высокие инстанции, в том числе лично к И.В. Сталину. В частности, 7 июля 1946 года она писала:

«Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович!

В марте 1930 года Михаил Булгаков написал Правительству СССР о своем тяжелом писательском положении. Вы ответили на это письмо своим телефонным звонком и тем продлили жизнь Булгакова на 10 лет.

Умирая, Булгаков завещал мне написать Вам, твердо веря, что Вы захотите решить и решите вопрос о праве существования на книжной полке собрания сочинений Булгакова».

Однако первый сборник из двух булгаковских пьес, «Дни Турбиных» и «Александр Пушкин», Елене Сергеевне удалось издать только после смерти Сталина в 1955 году. Она также сохранила обширный булгаковский архив, основную часть которого передала в Государственную библиотеку СССР

Борис Соколов

им. В.И. Ленина (ныне Российская Государственная библиотека) в Москве, а меньшую — Институту русской литературы АН СССР (Пушкинскому Дому) в Ленинграде.

Елена Сергеевна Булгакова скончалась 18 июля 1970 года и похоронена на Новодевичьем кладбище рядом с Булгаковым. При жизни она успела опубликовать основные произведения Михаила Афанасьевича, включая его главный роман «Мастер и Маргарита».

Борис Соколов

ПОД ПЯТОЙ

Дневник и письма М.А. Булгакова